

* * *

Время наше не сочтено
ни обидами, ни рублями.
Мы из тех, что идут на дно
с городами и кораблями –
не прикованные к веслу,
не затерянные в крапиве,
но причастные ремеслу
хирургии и терапии.

Лён и скальпель, игла и нить.
Слово – тело, не только дело:
что разъято – соединить,
упокоить, что омертвело.
Океан или перегной –
припадай к поднесённой чаше...
Нет воды и земли иной.
Время наше – и бремя наше.

* * *

Язык до Киева доведёт...
Пока без объяснения

Плотина, полотина, платина:
основа единая – плоть.
Такая накопится патина
на слове, что не прополоть
и не догадаться в обычае
козе, и ежу, и коню,
какое – из иноязычия,
какое – своё на корню.

67

На корни гляжу без мороки я,
хотя докопаться – хлопот...
Подумаешь, этимология –
да хоть генетический код.
Не время идти на попятную,
аларму сдаваясь до пят...
Я немец на пятидесятую,
ан русский поэт, говорят.

В крови у меня и брательника
ужились внутри ДНК
потомки тагильского мельника
и вятского межевщика,
сошлись через горы и тернии
и не разойдутся никак
крестьянин из Минской губернии
и верхнеуральский казак.

А в новом колене заронена –
не том, что поверх сапогов, –
с повадкою коми-зырянина
загадка тунгусских снегов.
Гремучее кровосмешение –
от Рейна и до Колымы...
Всем, кто мельтешит, в утешение:
да – русские. Русские мы.

Хотя утешать не умелец я,
послушайте, как наяву
работает русская мельница –
английскую мелет молву.

НА СЛОВЕНСКИХ КЛЮЧАХ

В Мальской долине
под стенами Изборской крепости
веками бьют двенадцать
Словенских ключей

Без героя война – не война.
И война без предателя – редкость.
Но ливонцу во все времена
не сдавалась Изборская крепость.
Поржавели бывшие мечи,
потускнели у тканей оттенки...
Вот они – от Изборска ключи:
вытекают из каменной стенки.

Все двенадцать – на собственный звон,
и незнаемо, что это значит:
по числу ли словенских племён,
по апостолам или иначе.
Память тысячелетнего льда
источила скалу ручейками
или просто живая вода
перепущена известняками...

Будь четырежды царь или зять
прокурорский – не видано толку:
человеку не дать и не взять –
лишь налить под завязку бутылку,
пересоленный рот освежить,
остудить распалённое тело...
А какое из тел не хотело
поздорову и дольше пожить?

Эта плотная сила права,
наделив неизбывною жаждой.
Все желанья земные молва
закрепила почти что за каждой
из двенадцати струй, но беда –
безымянны целебные жилы:
где которая льётся вода,
не поведают и старожилы.

Если к этой молве да всерьёз,
даже самую малую площадью,
то вовеки не вырветь слёз,
из потока испитых оплошкой.
Но вполне в человеческой власти
не предать обещаний своих,
вновь одною судьбой на двоих
наполняя обыденный пластик.

По мере к родимой доवेशивай,
ссылая в лари-словари.
Управимся – тесто замешивай.
Иначе – суши сухари.

Не брат и не сват – а не кинь его:
не вся оборона – броня...
Когда доберёмся до Киева –
и там есть родня у меня.

* * *

Когда на закате укажет заря
не преобразиться – так переодеться,
глубокие реки впадают в моря,
а люди впадают в глубокое детство.

Что перетекло в деловой календарь,
начислено в столбик, написано в строчку –
как телекартинка двуцветная встарь,
сливается в луч, собирается в точку.

И ты остаёшься один на один
с волною, отзывчивой на непогоду...
Так рыба летучая или дельфин,
взойдя из воды, возвращается в воду.

Но, чуя аортою вечную связь,
гребёшь к небосводу, противясь измору...
Предтечи твои, до крови просолясь,
решились – и всё-таки вышли из моря.

* * *

Сотни вёрст – не поле перейти
и не сбегать за угол в аптеку.
Надобен для дальнего пути
повод и коню, и человеку.
Дедовский состарился обряд –
новым ладом не перетолкую.
Молодые свадьбы не творят –
сходятся-расходятся втихую.
Без меня случаются пока
новые крестины-годовщины –
буднями в родные палестины
не наездишься издалека...

Да не только в праздничные дни
я земли своей не забываю –
по обыкновенью у родни
на последних проводах бываю.
Воссоединение семьи –
естество земное, а не прихоть...
Здравствуйте, родимые мои!
Не давайте повода приехать.

